

В прошлом сезоне режиссер Михаил Левитин поставил у себя в театре «Эрмитаж» «Дон Жуана». В нынешнем — «Женитьбу». Что ни говори, но обе пьесы имеют к нашей рубрике прямое отношение. Хотя и со знаком «минус». Один герой никак не хочет жениться. Другой в самый ответственный момент прыгает в окно. Семей не заканчивается ни один, ни другой сюжет.

— Семья — магическое слово для женщины. Получая в партнеры мужчину со всеми его грехами и сложностями, она храбро берет на себя ответственность за этот союз. Женщина воспринимает семью как некую ширму, за которой происходит твое полное преобразование. Тебя переоденут, причешут (если есть что причесывать), и вы вместе явитесь свету обновленные... Все это неправда. Семья — это очень трудная жизнь. В ней обязательно будет время, которое принадлежит только тебе, а не тому, кто рядом. Будет время, которое принадлежит работе, Богу, детям, твоему покою. Будет время, в которое не должен вторгаться другой человек. Нужно давать другому колоссальный допуск...

— ...Но обоюдн!

— Конечно, конечно. Только вот в чем дело. Если обоудно,

Михаил Левитин

тогда вообще не может быть семьи.

— Так, может быть, гоголевский Подколесин был просто мудрецом и все это предвидел! Может, он был прав!

— Я глубоко убежден, что есть люди, которые готовят себя всю жизнь к прыжку в окно. Соблазн женитьбы — это воздвижение некоего препятствия, которое сначала надо создать, а потом преодолеть. Но это препятствие, как ничто другое, испытывает дух человеческий.

В «Женитьбе» я пытался выразить свои мысли об одиночестве, свободе и семье. Конечно, с учетом гоголевского мира, но каким-то образом, мне кажется, они воплотились.

Вообще, мой любимый герой, еще с детства — Федя Протасов. Любимая толстовская пьеса, любимый человек. Мне трудно анализировать, как он относился к своей жене в действительности. Может быть, замечательно. Может быть, гораздо лучше, чем тот, кто потом стал ее мужем. Но Федя все время что-то талдычил про свою и ее свободу. Просто мы все очень одиноки.

И хотим, чтобы рядом был хороший, приятный нам человек.

— Значит, семья и свобода — две вещи несовместные. И все же все стремятся в семейное лоно. Трагический пик едва ли не всей классической литературы — невозможности соединения двух любящих людей. Или все вертится вокруг неудавшегося соединения: Протасов, Анна Каренина, Обломов и Ольга, Лиза Калинина и Лаврецкий...

— Это все — глубоко порядочные люди. И персонажи, и писатели, их создавшие. В том числе и Лев Толстой, хотя он — кровавый экспериментатор над собственной жизнью. Его семья — тоже своего рода эксперимент, который, как мы знаем, кончился трагически.

Дело в том, что семья совершает главное свое посягательство — на внутренний мир человека. Написать то, что ты хочешь, живя рядом с человеком, мнением которого ты дорожишь и знаешь, что он не одобрит твоих писаний, невозможно. Или задуматься о том, что ему не понравится. Мы перестаем себе принадлежать духовно.

— Неужто диктатура — непременный атрибут семьи!

— Невольный ее атрибут. Все же все наши встречи в известной степени случайны. И живут бок о бок два достаточно чужих друг другу человека. Между тем вроде бы как они уже облечены властью друг над другом. Дети — другое дело. Они, если это хорошие дети, пытаются понять, чем мы живем, что думаем. Они не довлеют над нами.

— Еще как довлеют. Просто это давление не ощущаешь, ибо они-то уж точно не чужие, а свои.

— Может быть. А между женой и мужем с течением времени неизбежно возникает некая полусветскость отношений. Бывает, конечно, и по-другому, когда двое заперлись от внешнего мира и превратили семью в хлев. Мы знаем такие примеры. Но зачем это?

— Вот и Дон Жуан, вероятно, так думал...

— Знаете, я бы с удовольствием продлевал любовь. Но она не продлевается. Дон Жуан — вечный любовник. А все хотя и взять его в мужья. Он хочет подольше дарить жен-

шине то, за что, собственно, она его и полюбила, а она говорит ему: марш к алтарю! И ему становится невыносимо скучно.

— А вам не приходила в голову мысль поставить спектакль про Синюю бороду!

— Нет. Говорят, что я и так помогаю своим артисткам создавать такие экстравагантные образы, от которых в ужасе шарахаются. На самом-то деле я прошу их просто быть свободными и по возможности, разобраться в себе.

— Свобода, свобода... А ведь идея Года семьи родилась наверняка в западных, «свободных» головах, а не в наших, закабаленных, российских.

— Там это вопрос удобства. Семья — это комфортно и престижно. Дети в порядке. Есть у них мамá. Папа приносит деньги. Есть где почитать газету. Есть традиция — и никакой лишней боли. К тому же никто не посмотрит на тебя косо, не спросит тебя: ты чего это один? Неполющенный, что ли? Или, того хуже, «синяя борода»?

— Ну безупречный имидж

«семьянина» нужен более всего политическим деятелям...

— Вот! Скажите, где еще вырезают великие замыслы, как не в семье? Хотя великие-то наверняка рождаются в одиночестве. А вот кошмарные... Представляю себе, как какой-нибудь политик-дегенерат делится с ближними наполеоновскими планами. И его гладят по плечу, подпитывают, подталкивают. Гнездо, взращивающее гада, — тоже семья.

— Кошмар! Вы не оставляете несчастной ячейке общества никаких шансов...

— Когда я думаю о том, что уже не повторится моя замечательная любовь, мне, честно говоря, становится скверно. Вот это бы продлить... Но главное — было! Люди ведь живут мгновением. И греются им, и умирают с ним... Впрочем, я попытался сочинить идеальную семейную пару. В моей книге «Сплошное неприличие» есть такие люди, живущие совершенно свободной друг от друга духовной жизнью, но при этом ни на секунду не переставшие любить друг друга.

Беседовала
Н. КАМИНСКАЯ.

● Обри Бердслей «Мерлин». Он задумчив и вечно одинок, этот волшебник-прорицатель из английских легенд о Короле Артуре.

Кукуруза. — 1993. — 31 дек. — С. 4.